

ЛИДА ПЛАХА. Это о ней в трагические дни фашистского террора писал Юлиус Фучик: «Все выдержала. Не подвела». Ее, самую юную среди коммунистов-подпольщиков, поручал он из застенков гестапо тем, кто дожидается сабоды: «Когда нас не будет в живых, постарайтесь, чтобы она не оказалась потерянной для партии. Учитесь. Пройдя испытания огнем, она доказала, что создана из прочного металла».

Неприметная улица вдали от «стоашенного» центра Праги. Обычное здание в строю стандартных жилых домов. За окнами небольшой квартиры — панорама черепичных крыш. И — прихотью обстоятельство! — серая громада Панкраца прямо напротив... Небольшая табличка у подъезда: «Здесь в 1941—1942 годах работал подпольный ЦК Коммунистической партии Чехословакии».

Штаб героической битвы находился в этой квартире. Здесь по рекомендации Фучика Лида Плаха, его сестра, была принята в партию непосредственно на заседании ЦК. Теперь, все послевоенные годы, здесь ее дом, ее семья. Здесь она гостеприимно встретила меня, советского журналиста.

Нижне — по возможности приближенная к стенографической — запись нашего разговора. Кроме Лиды, в нем участвует ее муж, коммунист Зденек Шаварда. Как и Лида, в прошлом солдат подполья. Сейчас, как и она, артист Национального театра.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Лида Плаха:

— Это было так давно. И осталось так близко. Я выросла, входила в мир, когда в мире назревала война. В тридцать седьмом из села приехала в Прагу. Было мне шестнадцать. Хотелось учиться. Но для этого нужно было собрать деньги — пошла работать. И записалась в Союз чехословацко-советской дружбы. Там в любительском театре выступала — читала революционные стихи. Театр и политика с того времени сплелись вместе.

Гитлеровцы оккупировали Чехословакию. Наш театр закрыли. Шла охота на коммунистов. Партия нуждалась в конспиративных квартирах. В такие дни в наш дом — я жила у сестры Йожки, учительницы, — пришел Фучик. Он жил у нас около двух лет, до ареста.

Не знаю, как Юла догадался, что моя мечта — театр: «Ты должна поступить в театральную школу. Должна учиться всерьез. Будем готовиться к экзаменам». И мы действительно готовились вдвоем. Он разыгрывал со мной целые сцены. Окна и двери завешены одеялами, в темноте за стеной — беготня, выстрелы, крик. Не получается у меня роль, теряюсь. А Юлек успокаивает: «Человека без таланта нет! А талант — это мужество». Если увлекусь декламацией, засмотрюсь в

зеркало — сразу остановит: «Искусство — не забава. Искусство — борьба. Его оружие — правда. Наша, коммунистическая правда. В ней нет ничего от притворства. Быть актером — значит уметь мыслить, владеть собой, видеть цель». Так проходило время. И я уже могла бы сдавать экзамены. Экзамены начинались в июне. А в мае я попала в Панкрац. Поступила в другую «школу», более горькую, но и более богатую...

«Так проходило время». Только ли так, в занятиях искусством? Лида избегает говорить о себе подробней. Но в «Репортаже с петлей на шее» говорит Юлиус Фучик:

«В феврале 1941 года весь состав Центрального Комитета КПЧ был арестован. Хотя партию и постиг сокрушительный удар, но уничтожить ее он не мог... Падал боец, и на его место становились двое, трое. Связь между членами нового Центрального Комитета поддерживала Лида. Ей поручались опаснейшие задания — восстанавливать нарушенные связи, предупреждать людей, находящихся в опасности. Когда являлся грозил неизбежный провал, она шла туда и проскальзывала, как угорь».

...Она не перестала работать и в тюрьме. Все задания выполняла самоотверженно, быстро и точно.

...Если нужно было выпутаться из безвыходного положения,

спасти кого-нибудь на воле, Лида с невинным видом брала на себя чужую «вину». Она сумела стать в Панкрац коридорной, и десятки совершенно незнакомых людей обязаны ей тем, что избежали ареста».

После тринадцати месяцев Панкраца была тюрьма в Дрездене. Потом Берлин, одиночка смертников в Плетцензее.

Сенат — нацистский суд, перед которым стояли рядом Юлиус Фучик и Лида Плаха, знал единственный приговор: смерть. Но после казни Фучика Лиду вернули в Панкрац, а потом бросили в Равенсбрюк, поместив в документ: «Возвращение нежелательно».

Но она вернулась. В тюрьмах и лагерях потерялись следы родных, друзей. Казалось, вокруг нет никого, кто бы мог помочь Лиде. У нее ни дома, ни одежды.

Лида Плаха:

— И вдруг меня пригласила к себе Божена Пульпанова, актриса Национального театра. «Как насчет твоей театральной школы, Лида? Ты должна учиться, учиться всерьез». Я зашумурилась. Мне показалось — слышу голос Юлека. А это действительно говорил он. Фучик столкнулся с Боженой на допросе. Между пытками шепнул, чтобы нашла меня, если вернется. Чтобы помогла. «Настоящей школы сейчас нет», — сказала Божена. — Бу-

дем учить тебя сами». И они учили. Артисты, поэты, критики — друзья Юлека. Театры возникли в Праге, как грибы. Но Божена сказала: «Год не подходи к профессиональной сцене. Сначала найди себя!».

«Найти себя». Молодые актеры задумали спектакль о Сопротивлении. Он строился на статьях, документах, письмах. В этом публицистическом представлении Лида впервые вышла на подмостки. Индржих Плаха, известный режиссер, пригласил ее в свою труппу. С «Сельским театром» она ездила по всей стране.

Лида Плаха:

— В Праге, в Реалистическом театре собрались художники, которых воодушевляли социальные темы. Меня влекло к ним. Но в ЦК партии сказали: «Ты нужна в Национальном театре. Это главная сцена, и она медленно поворачивается к современности, слишком медленно».

Зденек Шаварда:

— На недавнем горьком рубеже испытание проходило и наше искусство. Враги действовали коварно, умело. А мы оказались доверчивыми. Забыли, что оптимизм коммуниста не может быть слеп, он требует ясного знания обстановки. Контрреволюция действовала задолго до кризисного 1968 года. Художники, преданные делу социализма,

постепенно оттеснялись от главных событий культурной жизни. Артист, прогрессивный по своим идейным убеждениям, незаметно переставал существовать как творец. Лида привыкла играть в масштабных, страстных пьесах. Ее любимые роли — в чешской классической драме «Наши Фурианты», в пьесах Корнейчука, Афиногенова, Арбузова. В пьесе Юрия Буряковского о Фучике она играла самое себя. Этот спектакль проходил, как политическая манифестация. А ей вдруг начали предлагать пошленькие «безделушки». Подбирали репертуар, «внушающий зрителю: «современный человек одиноки; ему надо «забыться»; «отдохнуть от мира он может, лишь уйдя в собственное «я». Мы протестовали против подобных пьес. В ответ слышали: «Вы чересчур увлекаетесь политикой».

Лида Плаха:

— Артист не может стоять вне политической борьбы. Как ни содержательны его роли на сцене — этого мало. Требуется личная гражданская активность. Коммунист... Это звание не дается пожизненно. Его нужно подтверждать каждым днем борьбы. Уроки 1968 года с новой силой научили нас этому.

Свое звание коммунистов Лида Плаха и Зденек Шаварда подтвердили с честью. Стойко бойкотировали все провакционные оппортунисти-

ческие заявления. В обстановке контрреволюционного психоза шли в гарнизоны, на заводы, в институты со словами правды о социализме, о Советском Союзе.

Лида Плаха:

— Мы знаем, что классовый враг добровольно не сдает позиций. Потерпев поражение, он тем более злобствует. Наша цель, наш путь ясны. Это путь к полной победе социализма, к укреплению дружбы с народами СССР. К построению подлинной социалистической культуры.

За последние годы мне редко приходилось играть. Сейчас жду постановки «Любови Яровой» и «Оптимистической трагедии». Жду настоящей роли. Мечтаю говорить со сцены о героической борьбе, ибо она не окончилась вместе с войной. Героические сарда нужны партии и народу.

...На днях в Киев из Праги пришло письмо, щедро оклеенное марками. Школьник Алеша, мой друг из ЧССР, сообщает: очень понравилась ему передача чехословацкого телевидения о советских детях. Тут же приписал Алешин мамы, переводчицы: «Передачу вел Лида Плаха».

Наша Лида, говорится далее, снова в пути: с группой артистов-коммунистов знакомит трудящихся Чехословакии с творчеством советских драматургов и поэтов.

Л. ВИРИНА,
спец. корр.

«Советской культуры».
ПРАГА — КИЕВ.